

Марков камень — эпизод 1 из 3

У старых владельцев, у Турчаниновых-то, Петро да Марко в роду попеременно ходили. Отец, например, Петро Маркыч, а сын Марко Петрович. У Демидовых тагильских, у тех опять Акинтий да Никита. Глянулось, видно. Мода такая была. Нонешнего барчонка, кой в лета не вошел, тоже, слышь-ко, Марком кличут. Ну, это их дело. Рабочему человеку в том сласти мало. Петро ли, Марко, а все барин. Не к тому разговор, чтобы их имена разбирать.

А вот есть чуть не в самой середине нашей заводской дачи гора одна — Марков камень. Которые заводские и думают, что по Марку Турчанинову гора прозывается. Любил, дескать, который-нибудь туда на охоту ездить либо еще что. Ну, только это напрасно говорят. Там вовсе, может, ни один Турчанинов и не бывал. Шибко глухое место, в болотах кругом. Не барское дело по этим местам бродить. Ноги промочит, из носу закаплет. И добычи близко никакой нету, кроме как мягкой камень маленько ковыряют.

Название горы по другому Марку поставлено. Тайности тут нету. Побывальщину эту мне покойный дедушко сказывал. Он еще вовсе маленький был, когда случай тот вышел. Лет, поди, сто, а то и больше тому делу.

Была, слышь-ко, на заводах барыня Колтовская. Она тоже в девках-то Турчанинова была, а вышла замуж за какого-то генерала али там поручика — и стала Колтовская. Почто она в Сысерти жила — овдовела, али с мужем разошлась, про то мне неизвестно. Одно знаю — ни про одну старинную барыню у нас в заводах речей нет, а про эту Колтовчиху помнят. Оставила, значит, следок. Которая девчонка или бабенка загуляла, про ту и говорят: «Колтовчиху покрасить хочет».

Она — эта Колтовчиха-то — до того к мужику жадная была, что удивленье просто. Господишек, конечно, коло ее, сколь хочешь. Известно, господское положение. Что им делать? Только этой барыне тех своих мужиков не хватало. Она и нашим братом, рабочим, который побаче да поскладнее, не брезговала. Нет-нет, из Сысерти слышок дойдет: взяла, дескать, барыня нового кучера, а старого отставила. А уж все знали, в чем тут загвоздка. Взяла и взяла. Дело подневольное, все-таки не в гору человека нарядили. Посмеются еще так-то, а то и не подумают, что это, может, похуже горы.

И вот приезжает эта барыня Колтовская к нам в Полевской завод. Как раз о празднике было дело. У нас на Петро-Павла, известно, гулянка. После службы

церковной, почитай, весь завод на той вон горке, у старой плотинки, собирался. Сперва ребяташки бороться счунутся, потом и до мужиков дойдет. Лучше того не знали, как силой похвастаться. Ну, и барам это, видно, к руке шло. Жаловали хороших борцов и всяко нахваляли.

Которые в медной горе робили, шибко ровно худые были, а сила у них в руках и в ногах большая. Фабричным супротив их неохота неустойку оказать. А тоже у них, у фабричных-то, силка была.

Особо у кричных. У которого уж и грыжа от надсады, а подойди к нему, сунься!

Был в ту пору в кричной подмастерье один, Марком его звали. Чипуштанов ли как по фамилии, а прозвище было Береговик. Ох, и парень! Высокой, ловкой, из себя чистяк, а сила в нем медвежья. Даром что молодой, а уж который год круг уносил. Никто против него устоять не мог.

Гора, конечно, в обиде, что крична большинство берет. Вот гора и сделала подвод — Онисима своего подставила. А тот Онисим у них, прямо сказать, урод в людях был. Мужик уж в годах и на грудь жаловался, а посмотреть на него страшно. Согнулся, ссутулился, а все печатна сажень, и руки чуть не до полу, как клешни, висят. Двадцать пять лет в горе выробил. Гора его сгрызть не могла. С этим Онисимом давно никто не боролся, да и сам он к этому не охотился. А тут подвели дело. Как, значит, самолучшие борцы выходить стали, Онисим и выкатился. Ну, побросал, конечно, всех, как котят. Маркова очередь подошла. Крична и кричит:

— Невзачет Онисима! С этим зверем ни один человек не управится. Что его считать!

А гора свое:

— Струсили, жженопятики. Какие у вас борцы после этого!

Однем словом, перебор пошел. Тут Онисим и говорит:

— Выходи, Маркушко. Охота мне узнать, какая в тебе силка.

— Ну, что же, попытаем не то, дядя Онисим, — отвечает Марко. — Я бы супротив тебя не вышел, кабы не твоя охота.

Вот и вышел Марко-то. Борются у нас, известно, взамок. У кого, значит, спина не хрустнет да ноги выдюжат. Ну, и сноровка тоже требуется. Марко супротив Онисима пожиже кажется, а ведь одолел. Это Марко-то. Из трех разов только

раз под Онисимом побывал, а два раза его бросил. Молодой все ж таки. Куда старому! Крична, конечно, радуется, а гора кричит:

— Неправильно боролись. Сызнова надо. — Пошумели, а до драки не дошло. Сам Онисим это дело утихомирил.

— Чего, — кричит, — зря гаметь. Правильно все было. Никакой фальши от Марка не видел. И больше я бороться не буду. Попытал — хватит. Немолодое мое дело этим забавляться.

Тем кончилось. Марко, значит, опять круг унес. Борцам выдали подарки: кому пояс, кому шапку, а Марку с Онисимом — по кафтану.